

Копытин Сергей Михайлович

аспирант кафедры литературы и журналистики
Дальневосточного государственного
гуманитарного университета,
старший преподаватель кафедры философии
Дальневосточного государственного
медицинского университета

К ВОПРОСУ О СУБКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу о применимости термина «идентичность» в отношении субкультурной самоидентификации. На основании анализа основных современных подходов к пониманию данного термина и рассмотрения характерных черт самореференции в молодежных субкультурах, предлагается применение феноменологического подхода в качестве метода, позволяющего соединить классические и постмодернистские модели объяснения идентичности. Дихотомия «игрового» и «серьезного» выдвигается как объяснительный принцип структуры субкультурной идентичности.

Ключевые слова:

субкультура, идентичность, молодежная культура, игра, повседневность, классическая и постмодернистская методология, феноменология.

Kopytin Sergey Mikhailovich

PhD student,
Literature and Journalism Department,
Far Eastern State Liberal Arts University,
Senior Lecturer, Philosophy Department,
Far Eastern State Medical University

CONCERNING THE SUBCULTURAL IDENTITY

Summary:

The article discusses the applicability of such a term as identity to the subcultural self-determination. Considering the basic contemporary theories of identity and analyzing the typical features of self-reference in youth subcultures the author suggests to introduce the phenomenological approach as a method combining a classical and a postmodernist models of interpretation of the identity. The dichotomy of 'playing' and 'serious' is suggested as an explanatory principle of the subcultural identity structure.

Keywords:

subculture, identity, youth culture, game, daily routine, classical and postmodern methodology, phenomenology.

Вопрос об идентичности в определенном смысле можно представить как один из центральных в изучении современных социокультурных форм. И.В. Астэр проводит мысль, что сама современная городская культура разрушает многие формы традиционной тождественности. «В постиндустриальных обществах никто больше не может быть уверенным в “других”. Из-за географической мобильности связь с местным пространством уменьшается; с наступлением конца массового производства и развитием потребления больше не существует эталона, охватывающего один социальный класс» [1, с. 116–120].

Классическое понимание идентичности как феномена, устойчивого в рамках исторического времени, укорененного в традиции и объясняющего социальное и когнитивное единство крупных сообществ: родов, этносов, наций и т.д., требует корректировки настолько, насколько проявления форм идентичности такого рода дистрибутивны и контекстуально ситуативны. Существующие классические формы идентичности (например, этническая или национальная), могут достаточно прихотливо сочетаться в одном субъекте, актуализируясь одновременно или последовательно в ответ на различные социокультурные вызовы. Известно также, что динамика развития национальной идентичности может рассматриваться как расширяющаяся (формирование транснациональной или цивилизационной идентичности), либо, напротив, как сужающаяся («этнический ренессанс»). Можно предположить и рассмотреть возможность определенной связи между ослаблением классических «больших» форм идентичности и компенсационным усилением ее локальных форм.

Вообще, в известном смысле любое представление о «монолите» культуры является неточным. Диалогическая природа культуры предполагает наличие в ней маргинальных зон, в которых и происходят активные процессы смыслопорождения и возникновения новых культурных форм [2]. Исследователь сейчас фактически сталкивается с носителями *комплекса идентичностей* [3, с. 53], в котором, наряду с базовыми, традиционными формами, могут проявляться формы более специфические и локальные. Также в этом контексте можно вспомнить позицию Т. Адорно и К. Хорни, предложивших для описания нормального индивида общества современного типа концепцию «невротика» или мультиролевой личности.

Обращаясь к трудам признанных специалистов по вопросам идентичности, можно убедиться, что отмечаемый кризис имеет двойственный характер: с одной стороны это кризис *самых традиционных форм идентичности*, с другой – кризис *традиционного понимания иден-*

тичности, проявляющаяся неполнота и фрагментарность разработанного для ее описания научного аппарата. В свете вопроса о допустимости изучения локальных форм идентичности примечательно мнение С. Хантингтона, который, говоря о кризисе национальной идентичности в США, упоминает об активизирующихся «субнациональных» и «групповых» идентичностях [4]. В то же время чрезмерное расширение понятия идентичности может также быть подвергнуто критике, поскольку сближение идентичности с любой формой самоидентификации может лишить термин отчетливого содержания.

Для того чтобы преодолеть это затруднение, необходимо установить основной методологический критерий определения идентичности. Существующее на нынешний момент социогуманитарное понимание вопроса предполагает единство трех аспектов идентичности: 1) сознательной самоидентификации; 2) ее эмоционального переживания; 3) форм ее социальной репрезентации. Таким образом, любая идентичность предстает как комплекс когнитивных, психологических и социально-структурных проявлений.

На наш взгляд, объединяющим принципом, позволяющим сохранить эти аспекты с одновременным выведением явления идентичности за границы исключительно «большого» времени, является феноменологический подход. Данное понимание тождественности может быть продуктивным при изучении ее «малых», в том числе субкультурных форм. Кроме того, анализ субкультурной проблематики с феноменологических позиций позволяет расширить разработанное поле объективирующе-социологического изучения этого предмета [5].

Рассматривая идентичность как феномен, мы признаем, что она является *фактом сознания*, одновременно с этим объективируясь как *социальный* (в виде возникающих на ее основе устойчивых структур и институтов) и *уникальный личный опыт*. Такое понимание дает возможность рассматривать формы идентичности на разных уровнях, вплоть до малых групп. При этом идентичность видится здесь не в каком-либо узком контексте – как понятие сугубо психологическое или социальное – а, в первую очередь, как феноменологический факт, как переживание смысла. Более того, феноменологическое понимание идентичности подчеркивает присутствие в ней компонента, лежащего за рамками индивидуальных эксцессов, субъективного целеполагания, оценочности; и позволяет определенным образом объективировать ту реальность идентичности, которую часто характеризуют как «туманную» (Э. Эрикссон) или «неотчетливую» (С. Хантингтон).

Плюсом феноменологического рассмотрения данной проблемы является также и то, что такой подход позволяет объединить классическое и постмодернистское понимание идентичности. Сообразно классическим представлениям, идентичность является объективным, «не созданным» явлением, которое, хотя и существует как факт сознания индивида, в то же время не является результатом его воли и целеполагания, представляя собой случай «метафизического апостериори» (по терминологии М.К. Мамардашвили [6]). Согласно же постмодернистским представлениям, востребованным в современных исследованиях, идентичность является производением, конструктом, который, соответственно, можно формировать, изменять, выбирать и т.д. [7, с. 51–52]. Феноменологический подход позволяет снять это противоречие, допуская одновременно присущую идентичности «данность» (в том смысле, в каком факты сознания обладают существованием, независимым от простого произволения субъекта) и способность быть «произведением». Абстрагируясь на этом шаге от содержания идентичности, от ее конкретных исторических форм, мы получаем возможность яснее увидеть ее формальную природу.

Субкультура как вариант источника дополнительной идентичности представляет собой пример стихийной формы смысловой организации. Своеобразие самоидентификации современной молодежи во многом определяет «опыт отчуждения», ее маргинальная позиция в постиндустриальной культуре, установленная и проанализированная структурными функционалистами (Т. Парсонс, Ш. Айзенштадт). Таким образом, идентичность современного молодого человека, совпадая в ее «больших» формах с идентичностью участников «больших» сообществ, должна в некоторых случаях демонстрировать определенные различия на локальном уровне [8].

Субкультурная идентичность отличается от ее традиционно выделяемых форм (этнической, гендерной, национальной и др.) характером, локальным не только в топологическом смысле. Во-первых, субкультурная идентичность имеет специфические формы темпорального существования. Если профессиональные или криминальные субкультуры демонстрируют склонность к обеспечению устойчивой идентичности, то состав распространенных молодежных субкультур в большинстве случаев отличается большей подвижностью: в определенный период выполняя для молодых людей роль социализирующего механизма, субкультурные институты могут терять для них свое значение или вытесняться другими институтами по мере социализации субъектов.

Кроме временных особенностей, специфику субкультурной идентичности определяет ее изначально дополнительный, комплементарный характер. Самоидентификация субъекта с какой-либо субкультурой, как правило, не подразумевает полного замещения других форм идентичности (например, этнической и национальной) – так же, как и социокультурные формы субкультуры не подразумевают исключения субъекта из внешних (по отношению к субкультуре) социальных систем. Принадлежность к готам, историческим реконструкторам или криминальной субкультуре не предполагает отказа от национальности, семьи, учебы, трудовой деятельности и т.д., хотя и может подразумевать трансформацию отношения субъекта к отдельным сторонам этого комплекса.

Рассматривая специфику субкультурной идентичности – те черты, в которых она расходится с традиционным комплексом, – мы констатируем, что процесс порождения новых смыслов в субкультуре осуществляется в большой степени путем трансформации общепринятых смыслов. Так реализуется важнейшая структура генезиса и существования экстернализованного сообщества – оппозиция иным культурным сообществам (в том числе и «основной культуре»), базирующаяся на принципе антинормы – принципиальном несовпадении с «основной культурой» в «оценке» и «использовании» ряда символов [9, с. 114–118]. В этом аспекте проявляется постмодернистский, «конструктивный» характер субкультурной идентичности. В малой группе, символически обособленной от «больших» социокультурных сообществ, «разыгрывается» параллельное, дополнительное семиотическое пространство.

В различных субкультурах эти трансформации могут различаться: так, для толкинистов и, в некоторых случаях, ролевиков, может быть характерно появление дополнительной «этнической» идентичности: член субкультуры может идентифицировать себя как «эльфа», «орка», «гнома» и т.п. [10]. В отдельных субкультурах разыгрывается специфическое отношение к гендеру. Субкультура готов, например, демонстрирует тенденцию к стиранию гендерных границ через унисексуальный стиль или декларируемую асексуальность, а в случае с панками или скинхедами может наблюдаться противоположная тенденция к подчеркиванию сексуальности, особенно в ее маскулинном варианте. Подобной трансформации могут подвергаться и прочие социальные структуры: например, отношение к просоциальной деятельности в криминальной субкультуре, формы взаимодействия с коммерческими структурами в рамках связанного с панк-субкультурой DIY (и шире – indie) движения и т.д.

Мы упоминали, что, учитывая временность, ситуативность и комплементарность субкультурной самоидентификации, нельзя отрицать, что она явно выходит за рамки классических представлений об идентичности. Соглашаясь с критиками широкого употребления этого термина, мы, впрочем, должны отметить несколько моментов, оправдывающих нашу склонность к его использованию. Кратко характеризуя особенности «игрового», конструктивного характера самоидентификации такого рода, мы обращаем особое внимание на то, что взаимосвязь игры и серьезного отношения в структуре субкультурной идентичности имеет сложную природу и требует внимательного анализа. Во-первых, принимая тот факт, что субкультура не является полностью самодостаточной социокультурной системой [11], и, таким образом, сталкиваясь с «игровым» и «дополнительным» характером акта субкультурной самоидентификации, мы с необходимостью отмечаем, что этот акт отнюдь не является «игрушечным». Социальные структуры, порождаемые субкультурными символами, могут быть настолько же (если, в некоторых аспектах, не более) реальны и значимы для своих субъектов, как и структуры «больших» сообществ. Опыт социализации, приобретаемый субъектом в субкультуре, онтологически так же реален, как и опыт, приобретаемый через приобщение к любой другой социальной структуре. В этом отношении субкультура ничем не отличается от других социокультурных образований, несмотря на возможную традиционность и «привычность» последних. Практика субкультурных взаимоотношений может предполагать широкий спектр межгрупповых и личных форм коммуникации. К этим формам относятся и конфликтные взаимоотношения, цена участия в которых может измеряться здоровьем и жизнью, что, в известном смысле, снимает вопрос о «несерьезном» или симуляционном характере субкультурной самореференции.

Некоторый свет на взаимосвязь «игрового» и «серьезного» начал в природе идентичности позволяет пролить анализ игры как универсалии. В свете существующего понимания игры как одного из коренных механизмов культуры (Г.-Г. Гадамер, Й. Хейзинга), представление о том, что такая «серьезная» вещь, как идентичность, может быть в основе своей игрой, не кажется излишне крамольной. «Усиление» игровых моментов молодежной самоидентификации, отмечаемое сейчас, также может быть объяснено – в свете уже имеющегося у нас представления об «опыте отчуждения» – социально-исторической интерпретацией сущности психологического феномена детской сюжетно-ролевой игры. Профессор кафедры возрастной психологии факультета психологии МГУ О.А. Карабанова отмечает, что «причиной возникновения сюжетно-ролевой игры как особой практики социализации детей стало изменение места ребенка в системе обществен-

ных отношений, а именно «отчуждение» от системы социальных ролевых отношений взрослого общества в связи с прогрессивным развитием производства» [12, с. 191]. Со ссылкой на мнение Д.Б. Эльконина, О.А. Карабанова заключает, что «ролевая игра <...> является особой символично-моделирующей деятельностью, позволяющей ориентироваться в системе социальных норм и правил и усваивать их» [13]. Перенеся отмеченную закономерность на молодежные сообщества, можно отметить, что усиливающаяся в них потребность в альтернативных, «игровых» формах социализации и инкультурации вполне ожидаемо коррелирует с растущим «отчуждением» от традиционных, «взрослых» социокультурных механизмов. Таким образом, проникновение игровых принципов в повседневность субъекта субкультуры структурирует его повседневную жизнь, дает ей дополнительное измерение и порождает самостоятельную мифологию, на которой строится дополнительная система необходимых субъекту социальных связей.

Рассматривая игровую природу субкультурной самореференции даже в самых общих чертах, мы должны отметить, что игра по своему определению должна существовать как нечто противопоставляемое повседневности. Смещение игры и повседневности в культуре имеет не только благоприятную («игра-моцартианство»), но и негативную трактовку (концепты безумия, инфантильности). Соответственно, наряду с игровыми механизмами в субкультуре теоретически должны существовать обратные структуры, функцией которых является подчеркивание границы между мирами субкультурной и «внешней» символики.

Примером такого механизма является самоирония как распространенная форма субкультурной авторефлексии. В субкультурной мифологии, наряду с сюжетами, утверждающими положительные стороны той или иной субкультуры, можно встретить иронические и пародийные мифы. То же касается некоторых социальных ритуалов, практикуемых в молодежных субкультурах, и, в особенности, богатого пародийными примерами субкультурного фольклора. «Разрушающий», иронический миф может быть так же необходим для субкультурной идентичности, как и миф «утверждающий». Обозначая эту проблему шире, мы заметим, что она является частью более общего и выходящего за рамки данной статьи вопроса о диалектике игрового и серьезного в современном сознании. Эта, безусловно, любопытная и важная проблема может быть решена с помощью разнообразных исследований, среди которых не последнее место займут исследования субкультурной идентичности, проявляющейся в компактных, локальных и, соответственно, доступных непосредственному наблюдению формах.

Ссылки и примечания:

1. Астэр И.В. Кризис социальных связей и проблема одиночества молодежи в условиях мегаполиса Технологии психолого-социальной работы в условиях мегаполиса // Мат-лы международной научно-практической конференции 5–6 ноября 2009 г. СПб., 2009.
2. Бинарность и асимметрия являются обязательными законами построения реальной семиотической системы. Данное понятие, однако, следует понимать как принцип, который реализуется как множественность, поскольку каждый из вновь образуемых языков в свою очередь подвергается раздроблению на основе бинарности. Во всякую живую культуру «встроен» механизм умножения ее языков» (Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки (1968–1992). СПб., 2000. С. 251).
3. Хантингтон С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
4. Там же. С. 16–17.
5. Пример подобного понимания идентичности можно найти в работах известного феноменолога М.К. Мамардашвили, например: Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб., 2002. С. 600.
6. Там же. С. 569, 655–656.
7. Хантингтон С. Указ соч.
8. В плане своего масштаба субкультурная идентичность демонстрирует некоторую двойственность. С одной стороны, она локальна, так как ее социальные репрезентации разворачиваются главным образом на уровне локальных сообществ; с другой – единство смыслового поля конкретной субкультуры предполагает определенную символическую общность на национальном и даже транснациональном уровне.
9. Щепанская Т.Б. Система: тесты и традиции субкультуры. М., 2004.
10. Эта практика отражается в результатах переписей населения, обычно привлекая к себе внимание крупных СМИ. Любопытно, что подобное «игровое» отношение к национальной идентичности свойственно не только субкультурным и «фанатским» сообществам: она может отражать также субэтническую принадлежность («поморы», «казачки»), политические взгляды («советские») и прочее.
11. О критерии самодостаточности см.: Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль: Тексты. М., 1996.
12. Карабанова О.А. Возрастная психология: Конспект лекций. М., 2005.
13. Там же.

References and notes:

1. Astaire, IV 2009, 'The crisis of social relations and the problem of loneliness in a metropolis Youth Technology psi hologo social work in a metropolis', *Materials of the international scientific-practical conference 5-6 November 2009*, St. Petersburg.

2. *Binarity and asymmetry are mandatory laws semiotic construction of a real system. This concept, however, should be understood as a principle, which is implemented as a plurality, since each of the newly formed languages in turn undergoes fragmentation based on binary. In every living culture "built" mechanism multiplying its language "(Lotman, YM Semiosphere. Culture and Explosion. Inside minded worlds. Article. Studies. Remarks (1968-1992) 2000, St. Petersburg, p. 251).*
3. Huntington, S 2004, *Who are we?: Challenges to America's National Identity*, Moscow.
4. Huntington, S 2004, *Who are we?: Challenges to America's National Identity*, Moscow, pp. 16-17.
5. Example of this understanding of identity can be found in the famous phenomenologist MK Mamardashvili example: Mamardashvili, MK 2002, *Philosophical reading*, St. Petersburg, p. 600.
6. Mamardashvili, MK 2002, *Philosophical reading*, St. Petersburg, pp. 569, 655-656.
7. Huntington, S 2004, *Who are we?: Challenges to America's National Identity*, Moscow, pp. 16-17.
8. *In terms of its scale subcultural identity demonstrates some ambivalence. On the one hand, it is local, because its social representation deployed mainly at the level of local communities; the other - the unity of the semantic field of a particular subculture implies a certain symbolic community on a national and even transnational level.*
9. Shchepanskaya, TB 2004, *System: Tests and traditions subculture*, Moscow.
10. *This practice is reflected in the results of population censuses, usually attracting the attention of major media. It is curious that such a "game" related to national identity is not unique subculture and "fansite" communities: it can also reflect the sub-ethnic identity ("Pomorie", "hide"), political views ("Soviet") and others.*
11. On criteria for self-sufficiency, see: Parsons, T 1996, 'The concept of society: the components and their relationships', *American Sociological Thought: Texts*, Moscow.
12. Karabanova, OA 2005, *Developmental psychology: Lecture notes*, Moscow.
13. Karabanova, OA 2005, *Developmental psychology: Lecture notes*, Moscow.